

ПРЕДПОЧИТАЕМЫЙ ЯЗЫК ОБЩЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Современная этнокультурная и этно-политическая ситуация развития большинства европейских государств характеризуется, помимо всего прочего, сознательным воздействием общественных институтов на функционирование, развитие и взаимодействие языков, т. е. многоуровневой языковой политикой. Языковая политика является не только одним из важнейших факторов, формирующих и изменяющих языковую ситуацию как в отдельном регионе, так и в стране в целом, но и одним из ее существенных аспектов.

В социалингвистической литературе понятие “языковая политика”, как впрочем, и целый ряд смежных терминов (о чем пойдет речь в дальнейшем), имеет неоднозначное толкование. В качестве рабочего определения в рамках настоящего исследования мы предлагаем использовать понимание “языковой политики”, предложенное Л. Никольским, как “...совокупность мер, принимаемых для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или форм существования языка, для введения новых или консервации употребляющихся языковых норм”. [1, с. 112].

В таком контексте, вслед за Л. Никольским, целесообразно выделять 2 основных направления языковой политики: **ретроспективное** — когда ее меры направлены на сохранение существующей иерархии языковых образований, что связано, в том числе, и с необходимостью сохранения или же возрождения национального языка; и **перспективное** — когда меры языковой политики обеспечивают изменение функционального соотношения языковых образо-

ваний, способствуя тем самым выдвиганию на роль макропосредника официального или государственного языка, использование которого ранее ограничивалось рамками этнической или социальной общности. Данное направление получило обозначение, в частности, в зарубежной социолингвистике как “языковое планирование” [1, с. 118].

Характеризуя языковую политику, следует также отметить ее возможное “демократическое / антидемократическое содержание” и “плюралистическую / националистическую ориентацию”. В случае демократического содержания и плюралистической ориентации речь идет о юридическом равноправии языков в многонациональном государстве и учете интересов разных социально-культурных и этнических групп. Антидемократическое содержание и националистическая ориентация характеризуются ориентацией на язык одной этнической группы в многонациональном государстве, которая в большинстве случаев оказывается в привилегированном социальном положении. Данная направленность языковой политики зачастую перерастает в политику культурно-языковой ассимиляции или сегрегации, которые предполагают меры прямого или косвенного принуждения, направленного на денационализацию меньшинств и лишение их права на самостоятельность, или же вовсе изоляцию группы меньшинств и проживание ее в худших условиях.

Безусловно, говоря о языковой политике нельзя не коснуться вопроса о функциональных типах языковых образований. Под ними мы имеем в виду:

а) **макропосредник** — язык, обслуживающий межнациональное общение и общегосударственное общение в однопациональном государстве. При этом правовой статус такого языка не всегда очевиден — он может быть государственным, официальным языком и языком крупной национальной общности, не пользующейся таким статусом.

б) **региональный язык** — язык или языки, не пользующиеся статусом общего (всеобщего) или официального языка. Обычно языки крупных этнических общностей.

в) **местный язык** — язык/языки национальных меньшинств, когда их носители являются двуязычными, территориальные диа-

лекты и обиходно-разговорная речь города. Используется обычно в устном неофициальном общении.

г) **профессиональный “язык”**, куда относятся “социолекты” (языки социальных или профессиональных групп), жаргоны, сленги, аргю;

д) **ритуальный язык** [1, с. 43-45].

Для данного исследования наиболее значимыми представляются первые три языковых функциональных образования. Однако же понять их реальное существование невозможно без типологии принятых в разных государствах статусов функционирования языков.

Так, И. Попеску называет 6 возможных типов статусов [2, с. 40-41]. ЕОЯ — единственный официальный язык, он же и государственный, и макропосредник. СОЯ — совместный официальный язык — два или несколько государственных языка, языки-макропосредники, не имеющие статуса государственных. РОЯ — региональный официальный язык, имеющий такой статус в рамках определенной территории (региона) наряду с государственным. ПЯ — поощряемый язык, не имеющий официального статуса, но используемый в государственных учреждениях и СМИ. ТЯ — терпимый язык, не поощряемый и не запрещаемый властями, существование которого признается de-facto, но игнорируется de-jure. СЯ — сдерживаемый язык — до некоторой степени запрещенный властями, лишаемый автономии или же активно подавляемый.

Совокупность функциональных языковых образований, обладающих разным правовым статусом и обслуживающих общение в административно-территориальном объединении или этнической общности, называют **языковой ситуацией** [1, с. 79; 3, с. 101]. По существу языковая ситуация — это “характеристика социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования” [4, с. 27]. Типологические признаки языковых ситуаций связаны с понятиями “экзоглоссии” — совокупности отдельных языков, “эндоглоссии” — совокупности подязыков (диалектов, социолектов) и функциональных стилей; “сбалансированности” — равнозначности функциональной и правовой; “несбалансированности” — неравнозначности правовой и функциональной; **однокомпонентности/многокомпонентности** — степени языкового разнообразия; **демографического равновесия / неравновесия** — процента населения, говорящего на данных языках; **близкородственности /**

неблизкородственности языков; билингвизма — владения двумя или несколькими языками, распространенными на данной территории; **диглоссии** — распределения языков по сферам общения или же владения несколькими подсистемами одного и того же языка [1, с. 79-109; 3, с. 101-116; 4, с. 26-60; 5, с. 616-617]. В обобщенном виде можно говорить о том, что контакт языков и культур приводит к тому, что в межэтническом общении складывается несколько языковых ситуаций:

1) используется язык одного из этносов;

2) используются на равных языки взаимодействующих этносов (билингвизм);

3) используются языки взаимодействующих этносов с дифференцированными сферами общения (диглоссия);

4) используется чужой для контактирующих этносов язык (заимствованный макропосредник или койне);

5) используется вспомогательный язык — пиджин (освоенный автохтонным населением заимствованный язык — п р и м. О. Л.), или образуется некоторый “суржик”;

6) используется язык одного из этносов в предельно облегченной для иноязычного восприятия форме, т. н. ксенолект [6, с. 64].

В многокомпонентных экзо- и эндоглоссных ситуациях возникает проблема **родного, основного и дополнительного языков**. По вопросу определения, что же является родным языком, существует несколько позиций. Это: 1) “материнский язык”; 2) “язык колыбели” (язык того человека, с которым ребенок общается в период освоения языка; 3) “первый язык”, который освоил ребенок; 4) “функционально первый язык” — который чаще и больше всего используется личностью в данных жизненных обстоятельствах; 5) “язык этноса”, к которому принадлежит человек; 6) “язык, на котором человек мыслит” и может наиболее полно проявить свою речевую компетентность [7, с. 12-14].

Следует заметить, что в зарубежной социалингвистике не популярен термин “родной язык”, вместо него, чтобы избежать терминологической двусмысленности, используется понятие “first language” (первый язык, имея в виду первый освоенный язык, который, кстати, может и не стать родным или же быть не единственным родным); “second language” (второй язык, любой усвоенный после первого);

“primary language” (основной язык — функционально и коммуникативно наиболее значимый язык); “secondary language” (дополнительный язык — более ограниченный в использовании) [4, с. 23].

С точки зрения психолингвистики второй язык (“second language acquisition”) понимается как язык, освоенный в живом общении. Обычно это язык, употребляемый в той общности, в которой развивается ребенок. Это может быть язык национального меньшинства, государственный или официальный язык (для тех, для кого он не является родным). Ему противопоставляется “language learning” (письменно освоенный язык) — чаще всего иностранный язык, носителей которого в данной этнической среде практически нет [8, с. 219].

Анализ некоторых основных теоретических аспектов языковой политики позволяет высказать предположение, касающееся особенностей протекания ее в современной Украине. Так, языковая политика в нашем государстве в целом может считаться перспективной, однако в некоторых регионах, например, Западном и Южном, является ретроспективной (с сохранением языкового status quo). “De jure”, ориентируясь на демократическое содержание и плюрализм, провозглашая свою централизованность, “de facto” она оказывается децентрализованной, иногда антидемократической и националистической. Языковая политика функционирует в Украине в рамках экзогlossной несбалансированной многокомпонентной языковой ситуации, для которой характерны принципиальный близкородственный билингвизм и функциональная диглоссия используемых языков. Функциональный и правовой статус основных языков не совпадает: при наличии двух языков макропосредников — украинского и русского, — последний не имеет статуса официального даже на региональном уровне (исключением, возможно, является АРК). Наряду с двумя основными языками существуют региональные языки, претендующие на статус РОЯ — болгарский, молдавский, гагаузский, русинский (последний, кстати, подпадает под статус СЯ) и др., множество местных языков, примером которых может служить “украино-русское” городское просторечье, или “суржик”, профессиональные языки и несколько ритуальных языков.

Сложность и своеобразие языковой ситуации в Украине характеризуется также целым рядом эмпирически фиксируемых тен-

денций. **Первое** — этно-лингво-культурные самоидентификации украинских граждан (жителей Украины) имеют сложную конфигурацию. Этнические группы украинцев и русских не совпадают с группами с родным украинским и русским языками и с группами лиц, которые общаются в семье на украинском или русском языках [9, с. 111].

Второе — языковые ориентации и языковая компетентность жителей Украины должна фиксироваться многоуровнево с учетом того, сколько людей причисляет себя к соответствующей национальности; какой язык они считают своим родным языком; какой язык они используют для общения в семье; какой язык они предпочитают использовать в работе с письменными документами.

Третье — доминантной, влияющей на другие характеристики личности, а также на ее суждения и ориентации, является характеристика “предпочитаемый язык общения” (в семье, с друзьями, на работе и т. п.). Мониторинговые социологические исследования, осуществленные Институтом социологии НАН Украины в 1994-2001 гг. (опрос взрослого населения Украины с применением на последнем этапе отбора квотной выборки респондентов по полу, возрасту, уровню образования, месту проживания) позволили зафиксировать вышеназванные тенденции [9; 10]. Исследования, проведенные в 2000-2001 гг., показали отчетливо обозначившийся феномен билингвизма: практически равное количество респондентов (36,9% и 36,7%) используют только украинский или только русский языки в семейном общении, а в каждой четвертой семье (25,8%) оба языка имеют равные права, их используют поочередно [10, с. 63]. Родной язык и язык общения в семье не совпадают практически во всех регионах, но сильнее всего это ощущается на Востоке и Юге (отметим, что южный регион помимо Херсонской, Николаевской, Одесской областей включает также автономную республику Крым). Так, в Южном регионе к украинцам себя относят 56,3% (в сравнении, скажем, с 91,6% — на Западе); однако родным языком назвали украинский лишь 31,5%, общаются в семье на украинском только 9,2% и выбор украинского языка анкеты для заполнения выбрали лишь 1,1%. С русским языком в Южном регионе наблюдается противоположная тенденция возрастания: русскими считают себя 36,8% опрошенных, при этом родным русский является для 65,2%,

общаются только на русском в семье еще больше — 68,2% и практически все респонденты (98,9%) Южного региона предпочли заполнить анкету на русском языке.

Украинскому языку в наибольшей степени привержены сельские жители (он господствует здесь во всех сферах применения), люди с более низким уровнем образования (хотя некоторые образовательно-профессиональные группы, например, гуманитарная интеллигенция, оказались большими приверженцами украинского языка). Билингвизм сильнее всего распространен в г. Киеве (практически каждый третий респондент использует то русский, то украинский язык в зависимости от обстоятельств) [10, с. 63-65].

Приверженцы придания официального статуса русскому языку — это все те же жители крупных городов по преимуществу на Юге и Востоке страны, респонденты в возрасте от 30 до 54 лет, со средним специальным и высшим образованием. Это чаще всего этнически русские, использующие русский язык в семейном и деловом общении. К ним присоединяются также представители других этнических групп. И, наоборот, противники придания русскому языку статуса официального — чаще всего молодые люди в возрасте до 30 лет, с образованием выше среднего, живущие в сельской местности западного региона или же в столице. Это преимущественно этнические украинцы, использующие только этот язык для семейного общения, но при этом каждый третий из них считает себя билингвом.

Следующая тенденция касается влияния предпочитаемого языка общения на другие лингвистические и нелингвистические ориентации личности. Так, упомянутые выше мониторинговые исследования показали, что ориентация на русский язык как официальный тесно связана не столько с национальностью респондента, сколько с предпочитаемым языком общения.

Исследования национальной нетерпимости/толерантности, осуществленные в 1997 г. (опрос взрослого населения г. Одессы), также демонстрируют большую радикальность украиноязычных в сравнении с русскоязычными. Разница в индексах нетерпимости между своей национальностью и другой (т. е. более положительное эмоциональное отношение к своей этнической группе) сильнее всего наблюдается у украинцев украиноязычных и слабее всего у укра-

инцев русскоязычных, что еще раз подтверждает дифференцирующую способность такой этнолингвистической характеристики как язык общения [12, с. 59]. 41,7% назвавших себя украинцами считают, что русскому языку следует придать статус официального, в то же время подобной ориентации придерживаются лишь 35,1% считающих своим родным языком украинский и лишь 31,6% предпочитающих общаться на украинском языке в семье [9, с. 105-106]. Подобного же рода тенденции были зафиксированы и в одесских исследованиях, проводившихся в начале и середине 90-х годов. По данным социологического опроса взрослого населения г. Одессы, осуществленном в 1992 г., среди предпочитающих общаться на украинском языке значительно меньше сторонников ориентации на СНГ, и, наоборот, гораздо больше приверженцев преимущественного развития украинской национальности и приоритета национальных интересов по отношению к общечеловеческим по сравнению с количеством приверженцев тех же ориентаций среди этнических украинцев и просто владеющих украинским языком [11, с. 52].

В заключение ко всему вышесказанному кажется уместным напомнить, что прежде чем формировать конкретные программы языковой политики и вносить изменения в Закон о языках, необходимо осуществить языковое прогнозирование с учетом, во-первых, реальной языковой ситуации, имеющейся в Украине, а, во-вторых, с учетом международных обязательств в области этнического и языкового функционирования, которые берет на себя Украина в рамках европейской интеграции.

Литература:

1. *Никольский Л. Б.* Синхронная социоллингвистика (теория и проблемы). — М., 1976. — 168 с.
2. *Попеску И. В.* Языковая политика и проекты законов о языках: их соответствие внутреннему законодательству и международным обязательствам Украины в области защиты прав человека и прав национальных меньшинств // Проекты законов о языках — экспертный анализ: Материалы круглого стола. Науч. ред. Н. А. Шульга. — К., 2000. — С. 32-43.
3. *Мечковская Н. Б.* Социальная лингвистика. — М., 2000. — 207 с.
4. *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социоллингвистика. — М., 2001. — 439 с.
5. *Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь.* — М., 1990. — 685 с.

6. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. — М., 2002. — 333 с.
7. *Шульга Н. А.* Базовые принципы и ценности европейских стандартов языковой политики //Проекты законов о языках — экспертный анализ. Материалы круглого стола / Науч. ред. Н. А. Шульга. — К., 2000. — С. 7-22.
8. *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. — М., 1999. — 315 с.
9. *Шульга Н. А.* Функционирование украинского и русского языков в украинском обществе //Проекты законов о языках — экспертный анализ. Материалы круглого стола / Науч. ред. Н. А. Шульга. — К., 2000. — С. 73-114.
10. *Прибыткова И.* В поисках новых идентичностей: Украина в этнорегиональном измерении //Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 3. — С. 60-78.
11. *Попова И. М.* Языковая ситуация как фактор политического самоопределения и культурного развития //Социс. — 1993. — № 8. — С. 46-54.
12. *Лычковская О. Р.* Этнические стереотипы как механизмы социокультурной адаптации в трансформационном обществе //Константы. Альманах социальных исследований. — 1999. — № 1 (10). — С. 56-60.